

Сергей Кладо, директор ЯблоковФонда. Петрушово.

Часть первая. В поле.

Мы когда эту землю купили, 7 гектаров вот этой земли стоили меньше ста долларов. Расформировался колхоз, и это была цена даже выше рыночной, потому что здесь это все было еще гораздо дешевле. Мы просто думали, что это уж прям совсем неприлично. И вот, значит, мы оформили эту землю, едем вот по этой дороге, на тарантайке... Я, в кузове, Алексей Владимирович рулит. Едем, он говорит: «ну вот, Серега, значит, смотри...», а земля оформлена на мое имя, «вот, Серёга, смотри, значит, вот эта земля твоя»

Вот я еду и думаю, вот эта земля была несколько тысяч лет до меня, она будет несколько тысяч лет и после меня. Вот как она может быть моей?! Или вообще чьей-то?

И это просто дикое когда-то колхозное поле... Алексей Владимирович начал его усаживать орехами, яблонями... прямо с каким-то таким фанатизмом все это выращивал. И ему очень хотелось, чтобы это была такая роща плодовая. И они с Дильбар Николаевной считали, что здесь когда-нибудь будет такой общественный парк: деревья красивые, яблони, яблоневый сад. И, знаете, это вот на самом деле символично. Вот в такую брошенную землю высаживать плодовые деревья, в эту траву, которую не хватает сил выкосить. Но они всходят, и они будут потом дальше расти и, как и многие другие вещи, я думаю, что это очень похоже вообще на него... У него была такая любимая поговорка про лягушку, что надо барахтаться лапками, и тогда собьется сметана и можно будет выскочить.

И любые усилия стоят того, чтобы их делать. И их не жалко, и надо все равно делать-делать-делать, потому что из этого делания в общем возникает прогресс.

И то, что эта акция (ЯблоковСад), которая там перерастает в какое-то движение, это очень здорово, потому что, конечно.... Но он не владел землей, он ее возделывал, и как символ и как... как какое-то его продолжение вот .. в смысле преобразования земли... Мне кажется, очень здорово, что это все продолжается и будет продолжаться, но я также уверен, что будут продолжаться все

другие очень важные вещи, куда более значимые, чем просто посадка деревьев на какой-то земле в каком-то месте в России, пусть даже в таком прекрасном, как это.

И для страны, и в мире... движение все равно идет. И все, что происходило, все равно все продолжается, и оно было бы невозможно без вот этого делания, которое было у него и которое он делал. И очень важно, чтобы это продолжалось. И продолжалось в таком же ключе или в каком-то другом, в каком это будет сочтено нужным теми людьми, которые это делают. Мало того, что энергия этого делания, как эстафета будет передаваться дальше, я в этом убежден, и я считаю, что это очень важно

Часть 2. В гараже.

Яблоков к бизнесу относился всегда «через губу». Мне это было довольно обидно, потому что я занимался предпринимательской деятельностью и еще занимаюсь, и я все время пытался ему как-то объяснить, что необязательно предпринимательская деятельность должна быть в разрез, в противоречии. Я приводил Илона Маска в пример, предпринимателя, который сумел совершить реальный перелом в экологической ситуации. Мы увидим это. То есть, перелом этот уже произошел, его последствия просто еще не наступили, но мы находимся внутри этого процесса. Но у него была настолько сильная аллергия, потому что он так часто сталкивался с вот этим... с тем, что бизнес – это ради денег. Ну, вернее не то, чтобы часто сталкивался, классический бизнес и есть ради денег... Сейчас в новую эпоху это может быть тоже моральное, это может быть тоже форма предпринимательства, может быть формой организации какого-то процесса. Но то, с чем он имел дело, к сожалению, очень часто это было поглощение за счет получения каких-то ресурсов, за счет других людей или за счет природы, природных ресурсов. Я уже не говорю о том, что при этом вред, который окружающей среде наносится в энергетическом секторе, например, колоссальный. То есть, не только извлекаются ресурсы, не только тратятся ресурсы, но еще и огромный вред наносится этому всему.

А вот этот дом. Он построен практически, ну, он был главный прораб, главный строитель, главный... Значит, у него вообще история такая. У нас сгорела баня. И они поехали покупать баню. Сруб на баню. Но им предложили неожиданно вот эти вот бревна, и это было в общем довольно дешево. И тогда еще, это было в эпоху 90-х годов, тогда это все было еще довольно дешево. По сравнению с нынешним-то уж это просто... И они решили, что они построят этот гостевой дом. Вот они поставили эту коробку. А когда они уже поставили эту коробку... Проект был мамин, она его всячески распланировала. А когда они уже поставили коробку, они уже начали там его отделять, обихаживать. Он уже сам там электричество делал, все сам.

Он – человек, конечно, очень большого масштаба, космического масштаба. Если говорить цивилизационно. Он, безусловно, человек своего времени во многом. Не даже там не в том смысле, что он рос и сформировался и огромную часть жизни провел в советской обстановке. Он ученый, биолог, дарвинист. Его родители – профессора. И это как бы научная школа, этот позитивизм, конец 19-го, начало 20-го века, то есть абсолютно взгляд на мир без какой бы то ни было метафизики. Потому что как раз конец 19-го - начало 20-го века - это был момент, когда наука сделала огромный рывок вперед. Это выразилось в научно-техническом прогрессе. Соответственно позитивизм был. И научный подход доказал и было очевидно, что это прогресс и было очевидно, что это развитие. Кроме того, сам по себе научный подход он таков, что разрушает ложные мифологии и многое очищает. Но его именно мировоззрение религиозное, оно было как раз сформировано в детстве, отрочестве, юности, даже не по советской модели, а по вот этой вот модели традиционного позитивизма 19-го века. То есть для него все, что связано было с метафизикой, или там, «религия – это церковь». Религия и метафизика – не совсем одно и то же. Церковь и там странные суеверные обряды, обычаи и так далее... Он к ним относился с уважением. Но его самого это вообще никак не трогало. Это для него было просто формой культуры.

Соответственно, когда он начал получать научные знания или знания другого порядка, мы с ним довольно много говорили о раннем христианстве, например. И какие-то вещи о том, как формировалась эта мысль религиозная. Он просто все это... у него не было интереса ко всему этому специфическому. Но он допускал как ученый, он допускал, что мир – это больше, чем вот та модель трехмерная с одним пространством-временем, в которой мы находимся. На самом деле он при этом мыслил за пределами этой модели все время. Он глобально мыслил. Вопросы, которые он решал, они были глобальные. И подход, который он исповедовал, он был глобальным. У него был такой девиз, довольно распространенный в целом среди экологов. он глобально мыслил, но и действовал он не то, чтобы локально, он действовал тоже очень масштабно.

И поскольку у меня с метафизикой более углубленные отношения, мне это было больше интересно. При том, что я тоже позитивизм принимаю и считаю, что научный подход – это очень важно. Я вот что хочу сказать: дольше существовала религия на протяжении там 20-ти, может быть там 30-ти веков в той или иной форме. И до сих пор многие люди находятся вот в этой парадигме с религиозным типом мышления. Внутри религиозного объяснения, внутри религиозной картины мира важное значение имеет мораль. Почему человек должен поступать так или иначе. Почему он должен поступать нравственно. Ну и потому что, как нам говорят самые примитивные в этом смысле верования, что есть некий глаз, который за тобой все время смотрит и если что, накажет. В деревне, меня поразило совершенно: кушай кашку, а то боженька ушко отрежет - есть такой подход. Но одновременно во всех религиозных и крупных системах, в них заложена нравственная философия. И, собственно, Толстой пытался объяснить через некую правду жизни про то, что добро – это полезно, это практично и так далее. Вот у Яблокова не было никакого такого представления о том, что это практично или непрактично. Он был очень высоконравственный человек. Вот для него ложь была неприемлема. Для него смысл и цель жизни было улучшение жизни для людей, для природы. В первую очередь для людей, потому что окружающая среда – это среда обитания человека. Вот такой у него к этому был подход.

И при этом эти нравственные ценности и цели... Потому что на самом деле в нашу эпоху постправды особенно непонятно, почему надо любить людей. В принципе, зачем нужны нравственные ценности в обществе. Особенно у нас. Мы видим, что преуспевают люди с абсолютно волчьими инстинктами. И наличие именно волчьего инстинкта, собственно, и обеспечивает успех такой, глобальной.

Но вот этот вот его внутренний нравственный маяк, он был на самом деле на практически религиозном уровне. Но с учетом того, что он не был религиозным человеком вообще, совсем никак, ни с какой стороны, это кажется странным. И это не было такой, знаете, вот такой коммунистической нравственностью.

Это, наверное, если опять-таки объяснять это религиозным языком, я думаю, что вот эта идея того, что Бог следит за человеком, чтобы он поступал правильно, это определенный уровень развития. Вот с определенного уровня развития человек остается один, как бы без Бога, и при этом поступает правильно. У него есть сформированный, сформировавшийся внутренний нравственный ориентир. Не книжный, не привнесенный из каких-то ритуалов, не принесенный со страниц. Конечно, семья огромную роль играет в этом. Но при этом этот вот внутренний свет. И этот его внутренний свет и вот такой, знаете, прям чистой, чистой моральности... такой - не в избитом смысле запретов или какого-то там, да? А вот такого именно глубокого нравственного чувства жизни во имя добра. Он из него просто выплескивался. Вот он был как бы генератором этого. И этим он очень располагал к себе людей. Потому что это было искренне, это было честно. И вот его харизма, его свет, он на вот таком космическом уровне держался и происходил.

И его деятельность, собственно, вся она была под этим светом. И под воздействием этой вот энергии, которая внутри него была. Именно энергия созидания доброго и хорошего.

Это во всем выражалось. Он, безусловно, очень крупный государственный деятель. У нас опять-таки в нашей стране в силу понятных причин политиками считаются люди, имеющие в своем распоряжении административные рычаги. И чем их больше, тем государственный деятель выше. А он был государственным деятелем вот того типа, который в Европе в большей степени,

немного распространен в Америке, США я имею ввиду. В Канаде в какой-то степени. Он был управленцем, который умел людей вот такими, какие они есть – разными - привлекать к созданию общего дела. Вот посмотрите, вот я хочу сказать, понимаете, не то, чтобы много ума не надо командовать полком, да? Нужно там соображать. Но вы представляете себе, каким нужно быть человеком, для того чтобы в России, в многонациональной стране, где регионы отличаются, чтобы быть лидером и создать работающую сеть вот этого экологического движения из людей, мало того что разных... Все, кто так или иначе сталкивался с общественными организациями понимают, что в общественных организациях много людей просто странных с нормальной точки зрения. И со своими заскоками, и так далее, и так далее. И вот это. Суметь вот этих всех людей собрать в одну команду, на расстоянии действующую, работающую. На самом деле очень часто на уровне подвига работающую, потому что экологические активисты в России, особенно в последние годы, но это было всегда, так или иначе они наступают на интересы промышленных групп и получают, что называется, в ответ.

И вот он и собирал собственно эту команду. Он тоже собирал вот этим светом. И это было на бытовом уровне в том числе. И здесь в деревне, если, например, приезжали гости или что-то, он под любую работу все время прям собирал всех. Давайте делать вот это, давайте делать вот это, давайте делать вот это.

Но вот при том, что он такого был человек масштаба, он абсолютно с каждым был равен. И как-то у него, что он не подстраивался, то есть он не занижал там свою какую-то высокую планку. Я думаю, что секрет был в том, что он просто, ну, человека уважает, с которым он разговаривает. Он априори к любому собеседнику относится с уважением. Без относительно там его уровня, образования или там способностей интеллектуальных. И поэтому для многих людей он казался очень простым. Он и есть! Как бы он и был простым... Но это, знаете, не такая вот простота... Вообще он был человек очень глубокий. Глубокий и глобально мыслящий.

Мне кажется, здесь очень дух его в этом во всем. Ну, смотрите, здесь одновременно и хаос, и порядок. Все подписано, все классифицировано. Все как бы на своих местах. При этом все в действии. И все в работе. И все задействовано. Он просто тут

очень много делал своими руками. И вообще он очень любил руками работать. И фактически, там, не знаю, сам изготавливал все, что ему нужно было. Ну а, может быть, потому что мы с ним общались в работе больше всего, наверное. две ситуации, в которых мы с ним больше всего времени проводили совместных, это если мы что-то делали вместе, и это, ну как бы, это общение такое, знаете, я вам расскажу.

Вы знаете как христианство распространялось? По научным данным? Апостол Павел приходил в какой-то город, открывал там лавку кожевенную, там же, в те же времена всё это там же и изготавливалось, типа цеха. Нанимал рабочих и в процессе работы он разговаривал. Ну, излагал те идеи, которые он считал нужным излагать, идеи христианства, учение Христа он излагал: о том, что все люди братья, о том, что всем нужно помогать и так далее и так далее. Потом через некоторое время они не только днем работали, но уже и вечером собирались. Потом, когда эта община начала функционировать уже сама по себе, он сворачивался и шел в следующий город, открывал там лавку, нанимал людей и так далее. Это знаете, отчасти рифмуется с тем, как марксисты агитировали по заводам и фабрикам. Тоже за станками. Тогда еще не было известно о том, как развивалось христианство, но они так интуитивно следовали в зеркальном этом своем ключе.

Но с Яблоковым мы, когда что-то делали совместно, то тут было не до разговоров, потому что это было общая концентрация на процессе. А разговаривали мы с ним, когда мы ездили отсюда в Москву или из Москвы сюда. Ему, может быть, тяжело было водить машину в последние годы, поэтому там последние лет шесть-семь, наверное, я его возил. Сразу четыре, четыре с половиной часа в автомобиле. Это создает возможности для разговоров. Вот. Конечно, он человек умный и интересный, и интересно мыслящий. И знаете, он вот все время повторял фразу Тимофеева-Ресовского, своего учителя, о том, что самое главное – отличать существенное от несущественного. Вот он умел это делать. Он в его системе аналитической очень точно понимал, что главное, что не главное и как выстраивать приоритеты.

Один из таких разговоров у нас был. Он повторяющийся несколько раз. Первый раз это было неожиданно. Он говорит: «Сергея, я был там среди 15-ти человек, которые решали что будет дальше со

страной. В каком направлении и что мы делали не так, почему мы пришли вот к тому, к чему мы пришли?». И это, конечно, озадачило очень, потому что я никогда не думал, что он так к этому относится. Ведь, очень много он сделал. Он не долго был на государственной должности, на такой высокой. Но за это время он успел колоссальное количество... он очень много успел сделать на институциональном уровне. То есть то, что он сделал за полгода, потом разрушалось 15 лет и до сих пор какие-то вещи еще есть там на уровне законов прописанных и так далее. Закладывал самые основные и самые существенные принципы.

И... ну что они сделали не так? Ну, это политический вопрос, что они сделали не так. Дело все в том, что он-то как раз, я думаю, что он-то все делал так. Я думаю, что он не мог по-другому, он был политиком. И он все время говорил «я не политик, я не политик». Он в этом смысле к Явлинскому всегда с огромным уважением относился. Именно как к политическому деятелю. Он говорил: «Вот Явлинский – это политик, а я... какой я там политик!» Вот. Но на самом деле, конечно, он был политиком. Но он был политиком не... Вы знаете, он не.. он очень торопился идти вперед. Ему было, ему было тяжело вот это болото. Как бы понимать... Он думал, что вот он сделал эти институциональные изменения, и они будут работать. Это не была его задача общество менять, потому что насколько он мог, он общество менял, кстати говоря, да. И более того, люди, которые были с ним и за ним, они, я не могу сказать, что они меняют общество, к сожалению, но они вот эту свечу на ветру держат до сих пор. И будут держать, я уверен. Это очень важно. Вот эта преемственность.

Да просто вот эти окружающие джунгли, и все вот эти сложности выхода из советского состояния. Просто, его было для этого слишком мало. Вот в чем дело. Его одного среди этих пятнадцати. Ну, может быть, там таких было двое. Вот.

Но мне потребовалось время, чтобы обдумывать на самом деле. Потому что, ну как бы, это было не сразу. Мой первый ответ - я сказал: «Ну хорошо, я в следующий раз расскажу, дайте мне подумать». И я подумал, подумал и говорю: «Первая ваша ошибка была в том, что вы на Ельцины поставили, потому что в конце концов он вас предал всех». Вот. Не надо было ставить на деятеля с таким советским шлейфом, потому что все равно до конца он не

мог измениться. И он не принимал это никак. Дело в том, что он Ельцина очень уважал. И даже в те времена, когда Ельцин бухал очень, ну это уже для всех было очевидно, когда он оркестром дирижировал, Яблоков говорил так: «Я никогда его не видел пьяным. Всегда, когда я с ним общался, всегда было все четко, всегда было хорошо все.» Но он с ним не долго общался. Это был непродолжительный период, порядка года. У него был к нему прямой доступ. После этого там уже никакого общения не было.

Поскольку у нас с ним все-таки семейные отношения были, вообще я его делами, особенно в 90-е годы, я вообще даже не интересовался. Это потом, когда уже позже, когда ему уже больше помощь потребовалась и так далее. мы уже много времени проводили вместе, и благо я мог себе это позволить. Что в принципе очень необычная ситуация. Но так получилось, что я мог себе это позволить и считал нужным это делать. Считал нужным это делать, потому что для меня тоже была определенная социальная реализация через него. Я считал, что то, что он делает, это настолько большая вещь и настолько важно, что его поддерживать на этом бытовом уровне со всем этим его хозяйством – это важно. Это снимает с него часть головной боли. Это как знаете, там у каких-то таких обычных чиновников, у них там есть аппарат, который хозяйством занимается, чтобы они могли сесть там в исправную машину, в чистую, там поехать куда им надо... Вот я был таким аппаратом у Яблокова. Что-то в этом роде. Ну, конечно, вознаграждение, которое я за это получал, это привилегия общения. Я бы так это назвал. Такого постоянного. И для меня это было очень важным.

Я у него просто лично учился, вот рядом с ним просто находясь. Я хочу сказать, что вот эта его планка моральная. Она для меня тоже очень важна. И потому что это вообще дает некое другое ощущение жизни. И потом, знаете, иногда очень важно, чтобы вещи, которые одни считают плохими, другие – хорошими. А когда вот эта планка есть, когда есть, на что равняться – это очень важно. Когда говорят, знаешь, «вот тут не хорошо», или наоборот, «это хорошо». А у него это на высоком уровне было. Поскольку он был абсолютно не мелочный человек, он вот это вот «хорошо» или «плохо» - этого не было в мелочах. Да, это было именно по каким-то очень важным,

очень глобальным таким нравственным точкам выбора. И это совершенно ...это другая жизнь.

Думаю, что люди, которые вокруг него в экологическом движении, они сами это разделяют.. это тоже для них важно было. Поэтому он для них именно такой авторитет.

Это начало и продолжение чего-то такого вот, колоссального. То, что это обязательно подхватится и будет развиваться, потому что он просто как вскапнул, просто припаял что-то где-то для того, чтобы все это пошло дальше. Это же остается?

Безусловно, дело, которым он занимался, развиваться будет, потому что это даже... это даже не связано с его личностью. Он вот как говорил иногда о себе в третьем лице... Для него, кстати говоря, очень важно было, чтобы его помнили ...И особенно последние годы он говорил о том, что будет после него или что-то в этом роде. Но для него это важно было. Он же вообще не тщеславным был человеком. Нисколько, да. Для него это важно было потому что, то что он делал, он считал очень важным, то есть принципиально важным, как бы системно важным. И тем самым существенным. И именно поэтому это существенное дело так или иначе будет делаться. Еще раз: несмотря на ту ситуацию, в которой мы находимся, есть некий прогресс... социальный прогресс. Он существует. Объективно существует. Там, с чем он связан – это другой вопрос, но он объективно существует. Ну, невозможно представить в 17 веке всеобщую декларацию прав и свобод человека и гражданина, принятую международной организацией, да? Невозможно. Да и в 19-ом, что уж там говорить. Это не такой вот прогресс как один раз изобрели, он навсегда остался. Нет-нет. Это вот такая вот пила... У каких-то народов в этом больше успешности, у каких-то обществ, у каких-то народов, не знаю, в этом больше преуспевают, в этом меньше, да? Но социальный прогресс существует. И.. знаете, как у Стругацких? Он прогрессором был. И в этом смысле то, что он делал... и тут вопрос не в том, что люди там остались или там труды его научные. Нет, ну труды его научные – это отдельная история. Я уверен, я не ученый, но насколько я знаю людей из науки, он важные вещи сделал в науке. Фундаментальные. Для этого прогресса.

А я думаю, что, наверное, в России будет возврат к тем законам, которые готовились с его участием или по его каким-то лекалам.

Наверняка. Когда – не знаю. Неизвестно. Можно это считать его наследием? Отчасти. Потому что, еще раз говорю, он же ученый, он позитивист. Он исходит из того, что существует объективная реальность. Да. Доказанная экспериментальным путем и так далее, и так далее. И в этой объективной реальности есть объективные вещи, которые должны быть выполнены. Ну, не должно быть атомных станций, например. Это объективно. Еще раз говорю, есть мнения по этому вопросу, есть интересы, стоящие за этими мнениями, есть много чего, да. Но мы прекрасно понимаем, что в том виде, в котором существуют атомная энергетика в наши дни, как бы она не была популярной и насколько бы большие деньги там не крутились, это вещь, которая наносит ущерб людям. И ее не будет в том виде, в котором она есть в перспективе 100 лет. Благодаря ли Илону Маску, благодаря ли Алексею Яблокову или благодаря им обоим, каждому со своей стороны. Вот понимаете. Он не высказывал новых идей, гуманитарных каких-то откровений типа: «природа не мастерская, а храм». Не в этом его значимость, что вот он открыл какую-то истину человечеству. И вот оно теперь в этом русле движется. И так далее. Во-первых, инструментарий, я не знаю, сколько он будет востребован, все-таки это как бы инструмент определенный. А во-вторых, само дело его, оно безусловно будет там продолжаться так или иначе. С его ли упоминанием, без его ли упоминания. Я думаю, что его тексты и научные, и другие, я не знаю, вплоть до переписок каких-то, его механизм принятия решений, я думаю, что будет востребован. Когда свое время придет.

Вы знаете, я бы так сформулировал. Знаете как, было очень важно в какой-то момент вот это важное существенное изменение произвести. И оно было произведено. У нас в истории есть прецедент этого экологического законодательства другого отношения. Вот этот прецедент был крайне важен и на него можно будет опираться. И это очень важно. В этом смысле его дело будет продолжаться и в этом смысле вот его участие, оно останется как бы существенным.

Знаете, мы с ним обо всем поговорили. И это произошло задолго до того, как он ушел. Ну да, задолго. Он мне рассказал то, что он хотел рассказать, о своей семье, о детстве своем, о юности. Какие-то там

воспоминания, которые были для него важны. Я спросил его все, что хотел. Конечно, я не могу с ним обсудить события сегодняшнего дня, хотя я примерно понимаю, что он там... Или вчерашнего дня, или вот то время, когда он ушел. Но даже просто это обмен какой-то. Это такая подпитка там и все такое прочее. Но если говорить о каких-то существенно незаконченных вещах, то у нас совместных с ним не было.

Вы говорите, что он человек, у которого времени все время не было. А я как раз наблюдал его в ситуации, когда у него было время. Он знаете как Лев Толстой – землю попашет, попишет стихи. Он с утра очень напряженно работал. Переписка и все вот это. Вот, книга... А потом, значит, он брал в руки либо лопату, либо косу, либо другой какой-то инструмент и фигачил до полного практически изнеможения. А вечером обязательно перед сном, он ложился где-то к часу, полвторого. Вечером обязательно перед сном он за этим же компьютером за столом играл в пасьянс и пел. Я поскольку за стенкой находился, я слышал, он это так делал, с душой.. Ну, в общем песни, они были по кругу, понятно. И он не все слова знал, и пел так: «тум бурум там за синем морем бригантина... пум бурум пурум» Такой вот репертуар из бардовских или из советских песен разных, причем. И однажды совершенно неожиданно: «путь далек у нас с тобой, веселей, солдат, гляди. Светит, светит знамя полковое, командиры впереди...» ну тоже он там текст не очень знал и половину на «пум-пурум-пурум» или какие-нибудь выдуманные слова. Вот. А я как раз незадолго до этого видел какой-то клип анти-навальновский, значит. Где его фашистом изображали. И там был саундтрек этой песни на немецком языке. И я так озадачился, потому что я думал, что это может быть одна из этих песен, как вот «о юном барабанщике», которая была в Советском Союзе адаптирована под коммунистические нужды. И я подумал, что вдруг это может быть тоже немецкая песня, поскольку на немецком языке... Нашел оригинал, это была запись какого-то хора военного ГДРовского 70-х годов. Поэтому на немецком. Вот. И поставил ему. Я вообще ему время от времени какую-то музыку ставил из того, что он пел или там какие-то еще вещи. Это очень большое впечатление на него произвело. Больше он ее и не пел с тех пор. Ну, кино мы здесь смотрели. У нас проектор такой маленький есть. С какого-то

момента смотрели на простыне разные фильмы художественные. Он, правда, был в восторге совершенно от сериала «Шерлок». Вот это прям его было, вот прям зашло. Вообще в принципе у него удивительное, у него к художественной литературе и художественному такому кинематографу с одной стороны не было тяги, с другой стороны он превосходно русскую классику знал. Он воспитан был на Пушкине. Всегда мне говорил: «Сереж, такой вот Пушкин был! Это же вообще чудо просто какое-то!» И оно как-то в нем это вот все жило. Но особенно не интересовался искусством в разных его проявлениях.

И кино, и книжки он читал как бы для разгрузки. Агату Кристи, как я понимаю, он читал в оригинале. У него довольно много в оригинале на английском языке Агаты Кристи. Еще из тех времен, из 80-х годов. Я думаю, что это помогало ему язык очень сильно подтягивать. Он вообще любил детективы, потому что это интрига, потому что все просто, потому что добро всегда побеждает. Вот ему очень важно было, чтобы добро всегда побеждало. Вот прямо на таком уровне, сказочном что ли, но у него сильная очень связь была с этим. Может быть, он там, не знаю, подпитывался от этого тоже своеобразно.

Он не был из людей, у которых вообще есть разделение на отдых и работу. У него жизнь – это была жизнь. У него все было органично. И работа его была органична. Кстати говоря, его этот темп люди не выдерживали. Он когда брал помощников для, скажем так, посадки деревьев, то они быстро выдыхались. А он продолжал, продолжал, продолжал, продолжал. И собственно я-то тоже, ну как бы, по его науке привлекался, старался привлекаться, тратить силы на существенные вещи, потому что в принципе в его орбите можно было круглосуточно что-то делать, то тут, то сям, то тут, то сям. А однажды прям от некоторых вещей отказывался. Говорю – нет, Алексей Владимирович, я не буду это делать, я не буду это делать. И однажды была такая ситуация. Он хотел перевести последнюю книгу свою чернобыльскую на английский язык. И говорит – Серег, помоги. Он всегда так говорит, у него была обычно такая присказка «Серег, помоги, Серег, помоги».. И вот говорит: Серег, я хочу книгу перевести, значит, на английский. Помоги. А я знаю, что это за книга - это научная работа, это серьезный материал, то есть это не просто. Я говорю: «Алексей Владимирович, я не буду это

делать. Это профессиональная задача, это очень большая работа. Это просто невозможно. Я не могу. У меня нет на это никаких ресурсов».

Он говорит: «Да, жалко». Я говорю: «Ну, вы, может, возьмете грант какой-нибудь на перевод или что-то в этом роде». Он говорит: «нет, что ты». Короче говоря, он ее перевел сам. Он загнал ее в Гугл переводчик, потом сидел правил. У него это три месяца заняло. Он все время занимался этим, кроме своей там текучки, переписки. И он сделал английский перевод. Его, конечно, редактировал потом уже редактор. Но все-таки это был готовый уже текст. Это удивительно на моих глазах было. Он сам создал эту книгу и сам ее на английский язык перевел. Это просто адовая история. И он...

И он, знаете, у него вообще была такая штука: он все делал сам. Он говорил: ну, давай я то сделаю, я сделаю это. Или - надо сделать это. Никто не делает, значит я буду делать, да. И это касается чего угодно. Вот всего...там копать, значит, давай копать. Если на митинг надо идти – значит, на митинг надо идти. Потому что это было надо. И ему на самом деле было все равно. Ну, не то чтобы ему было все равно, идет с ним кто-то или нет, просто он считал нужным, что нужно идти и он шел. Вот он идет, а остальные там, по желанию. Это, кстати говоря, тоже и своим примером организует очень и втягивает в орбиту.

Ну, с ним комфортно было на самом деле
Очень теплый. Он очень солнечный какой-то

Вот даже когда уже был весь седой, он был такой солнечный. был очень открытый человек. Он на самом деле, знаете, как говорит наука, истина существует и целью науки является ее поиск, или нахождение, или установление. Вот он был за истину и поэтому, если вопрос был по логике законным, он к нему относился очень серьезно. Он мог пересмотреть свою точку зрения, вы знаете. Это для людей особенно в возрасте и с его масштабом, это вообще не очень распространенный навык, скажем, мягко. Он запросто. Он запросто мог пересмотреть свою точку зрения, если он понимал, что сила аргументов такова. Он был... В этом смысле он был абсолютно открыт. И ничего, где он мог бы использовать свой авторитет - вот я Яблоков, я знаю - такого не было.

Он всегда оперировал научными данными и всегда логикой.